

АВТОРСКАЯ ПОЗИЦИЯ И ПРОБЛЕМАТИКА В РОМАНЕ КРИСА ХАМФРИСА «ДРАКУЛА: ПОСЛЕДНЯЯ ИСПОВЕДЬ»

Олег ТАЛМАЗАН,

Государственный университет им. Алеку Руссо

Статья посвящена историческому роману канадского прозаика, актёра и драматурга Криса Хамфриса о Дракуле. Роман интересен тем, что является историческим романом по определению, то есть побуждением автора к созданию текста является интерпретация образа исторического Дракулы почти без примеси идеологических, политических, исторических, философских, психологических идей самого автора. У этой истории нет легко угадываемого завершения, кажется, автор сам не знает, куда может привести развитие сюжета. Хамфрис не пытается отрицать прегрешения Дракулы, даже явно выдуманные и совершенно невероятные, но создаёт обстоятельства, выстраивает события таким образом, что поступок героя становится оправданным, а то и единственно возможным.

Ключевые слова: *Крис Хамфрис, исторический роман, Дракула, образ героя, авторская позиция, проблематика, театральный роман, Средневековье, Сказание о Дракуле воеводе.*

AUTHOR'S POSITION AND PROBLEMS IN CHRIS HUMPHREYS'S NOVEL „VLAD: THE LAST CONFESSION”

The article is devoted to the historical novel by Canadian prose writer, actor and playwright Chris Humphreys about Dracula. The novel is interesting because it is a historical novel by definition, that is, the author's motivation to create a text is the interpretation of the image of the historical Dracula with almost no admixture of ideological, political, historical, philosophical, psychological ideas of the author himself. This story does not have an easily guessed end, it seems that the author himself does not know where the development of the plot may lead. Humphreys does not try to deny Dracula's sins, even obviously invented and completely unbelievable, but creates circumstances, builds events in such a way that the hero's act becomes justified, if not the only possible one.

Keywords: *Chris Humphreys, historical novel, Dracula, hero image, author's position, problematics, theatrical novel, Middle Ages, The Tale of Dracula the Voivode.*

Роман канадца К. Хамфриса интересен тем, что является историческим романом по определению, то есть главной мотивацией автора к созданию текста является интерпретация образа исторического Дракулы без примеси идеологических, политических, исторических, философских, психологических идей самого автора (в этом смысле «Война и мир» Толстого не является историческим романом). Разумеется, помимо коммерческих соображений, поскольку роман всё же эксплуатирует популярную тему.

В послесловии К. Хамфрис называет себя актёром и, если разобраться, то это и есть ключ к пониманию романа: «В душе я все еще остаюсь артистом, поэтому почти всегда стараюсь изучать своих персонажей точно так же, как актер исследует тот характер, который ему предстоит играть. Я стараюсь понять их мотивации, разобраться, какие события или отношения сформировали их жизнь и повлияли на действия, что побуждало их поступать так, а не иначе» [1, р. 326]. Таким образом, вольно или невольно, автор оправдывает Дракулу по формуле: «понять – значит простить». К. Хамфрис не пытается отрицать прегрешения Дракулы, даже явно выдуманные и совершенно невероятные, но создаёт обстоятельства, выстраивает события таким образом, что поступок героя становится оправданным, если не единственно возможным.

Приведём такой пример. Придя к власти, Влад встаёт перед необходимостью наказать бояр, отрубивших голову его отцу и закопавших живьём в землю его брата. И в тот момент, когда читателю становится понятно, что правитель просто не может поступить иначе, Влад произносит фразу

из рукописных памфлетов о Дракуле [2, р. 17], найденных в бенедиктинском монастыре Ламбаха: «Сколько валашским князьям вы присягали за свою жизнь, обязывались служить по долгу, верой и правдой?» Но в немецких текстах предложенные обстоятельства совсем другие – Дракула казнит случайных бояр, присягавших многим князьям. Насколько немотивированным выглядит поведение Влада в манускриптах, настолько рациональны его поступки в романе. Очевидно, что дело не в самом поступке, а в его интерпретации.

Другой пример – убийство пристава, ворвавшегося в дом Влада в погоне за воришкой. В романе пристав ведёт себя заносчиво, оскорбляет князя, пугает его детей, обыскивает дом, и только после этого Влад прибегает к оружию. Мотивировка «Этот дом и этот двор – часть Валахии, во всяком случае до тех пор, пока я здесь нахожусь» [1, р. 278] в таких обстоятельствах уже избыточна – в глазах читателя Влад поступил так, как и должен был поступить; в какой-то момент читатель сам готов убить пристава.

Эпизода убийства пристава нет в немецких листках, К. Хамфрис взял его из «Сказания о Дракуле воеводе» Ф.В. Курицына [3, р. 468], но принципиально важные для русского книжника эпизоды – притчу о двух монахах, о золотом коле, о сожжении нищих – не использовал, поскольку они не соответствовали замыслу автора. Смерть Дракулы К. Хамфрис описал не по Ф.В. Курицыну, а по изложению письма Стефана Великого [4, р. 166]. Ночную атаку под Тырговиште представил по учебнику истории. Однако в романе есть фраза «Но что совершенно точно, так это то, что он ненавидит всякое преступление» [1, р. 161]. А у Ф.В. Курицына так: «И толико ненавядя во своей земли зла, яко хто учинит кое зло, татбу или разбой, или кую лжу, или неправду, той никако не будет живъ» [3, р. 462]. Иначе говоря, К. Хамфрису известны различные источники [1, р. 328], и он выбирает из исторических исследований К. Трептова [5], М. Троу [6], из бенедиктинских рукописей, из повести Ф.В. Курицына нужные ему фрагменты.

Писатель не хочет выглядеть эпигоном Б. Стокера: «Брэм Стокер создал прекрасный готический портрет чудовища по имени Дракула, высасывающего кровь своих жертв и обладающего поистине гипнотической притягательностью. Однако великолепным специалистом, профессором Элизабет Миллер [7], было доказано, что Б. Стокер на самом деле знал очень мало о реальном валахе, жившем в пятнадцатом веке» [1, р. 326].

К. Хамфрис претендует на точное следование исторической правде, и это его публичная позиция, манифест: «Меня целиком захватила идея следовать исторической правде настолько полно, насколько это было возможно. Однако я прекрасно знал, каков на самом деле бывает разрыв между так называемыми фактами, о которых пишет романист, и реальностью. Здесь он получался чудовищным. Причина этого состояла в том, что на самом деле о герое написано очень мало и почти все это отстоит очень далеко от правды» [1, р. 327].

На деле это не совсем так. Когда было нужно, автор использовал даже эпизод с колпаками турецких посланцев, который является бродячим сюжетом и заведомо не имеет отношения к реальному Дракуле. Автор неплохо знает историю, но для него история только материал.

К. Хамфрис осознаёт, что нажимает на те же струны в душе читателя, что и его предшественники – эротика и жестокость, натурализм и мистика, но всё же настаивает на историчности: «То, что приключилось с Интернетом в двадцатом веке, произошло с печатным прессом в пятнадцатом. Выяснилось, что на самом деле люди хотят вовсе не сказок о благородных рыцарях, а совсем другого. Им подавай секс и насилие. История Дракулы оказалась весьма лакомым куском, так как предоставляла вдоволь того и другого, особенно если все это изобразить под нужным углом, да еще с картинками. Говоря по правде, сам я делал то же самое, хотя старался следовать историческим фактам, насколько они мне были известны. В книге они изложены в той же последовательности, в которой происходили в жизни моего героя» [1, р. 327].

Декларации К. Хамфриса иногда противоречат его действиям: «Я вдруг понял, что не должен судить своего героя, оправдывать или обвинять его. Мне хотелось показать все так, как это было на самом деле, и перестать выискивать ответы на вопросы о том, почему он делал что-то так, а не иначе» [1, р. 327]. Но именно это автор и делает – оправдывает и судит. Сюжет романа построен на

заочном суде над Дракулой. Казалось бы, кто может судить Дракулу? Современники? Читатели? «Только Господь может судить мои деяния», – говорит герой романа [1, р. 315]. Но автор-демиург решил иначе – устроил суд над героем, тем самым и поставил вопрос, и ушёл от вопроса о судьях.

Дракулу судят папский легат кардинал Доменико Гримани, рыцарь ордена Дракона Янош Хорвати, комендант замка Петру Иордаке, а свидетелями выступают друг детства Влада, любовница Влада, и его духовник. Янош Хорвати желает воссоздать Орден Дракона, и для этого ему нужно если не обелить Дракулу, бросившего тень на орден, то по меньшей мере разобраться в реальности обвинений.

Роман очень кинематографичен, текст по структуре является сценарием, воспоминания каждого из свидетелей легко могут стать эпизодом фильма.

Действующие лица большей частью неисторичны, и сама идея надумана: в действительности Орден Дракона потерял своё значение вследствие смерти его основателя, императора Сигизмунда I Люксембурга, во времена когда Влад ещё был ребёнком. Доменико Гримани – реальное лицо, но к указанной автором дате суда был совсем молодым человеком, а кардиналом стал значительно позже. Янош Хорвати погиб от руки Сигизмунда I задолго до учреждения Ордена и рождения Влада.

Автор точно указал обстоятельства, время пленения Хамзы-бея и Фоки Катаволеноса и верно описал личность Хамзы-бея, но это, скорее, исключение. Казнь Фоки автор обыграл как эпизод казни брезгливого слуги из бенедиктинских манускриптов. В романе действуют Мехмед Фатих и его отец Мурад, но события и диалоги вымышлены.

Стефана Великого К. Хамфрис сделал отрицательным героем. «Стефан Молдавский выбрал вполне подходящий момент, чтобы предать родственника, православную веру и заполучить то, чего он давно желал». По фабуле романа Баторий и Стефан бросили Влада одного и увели свои войска. «Ведь при этом Баторий уводил из замка свои войска. И он не мог понять, почему он так поступил. Может быть, на него повлиял пример Стефана чел Маре, который уехал несколько дней назад? [1, р. 283]». Но посадив Влада на престол, венгерские и молдавские войска не могли оставаться в Валахии бесконечно. Больше того, Стефан оставил ему двести молдаван, которые впоследствии почти все погибли, о чём К. Хамфрису хорошо известно из письма Стефана, но автору важно представить Дракулу жертвой.

Автор упоминает Кодекс Иглау [1, р. 157], чтобы показать, что ему известно разнообразие и широкое применение казней в Западной Европе, но исчадием зла К. Хамфрис делает турок. Дракула использует пытки и казни, которые видел в Турции, и он всего лишь жертва, таким его сделало пребывание в турецком плену. В трактовке автора, Влад эксцентричен, но не более того; «сумасшедший прагматик», по выражению кардинала Гримани.

Героем владеет лишь одна страсть – борьба с турками, что делает образ отчасти плоским. «Валахия станет наконецником копья, как и обычно, а весь христианский мир поднимется и двинется за нами» [1, р. 157]. Любовная линия повествования приглушена жестокостью, эротикой, экстравагантностью героя. Но одержимого человека лучше показывать живым, от этого роман только выиграет.

Второстепенные персонажи романа не похожи на людей Средневековья. При виде пыток и казней они бледнеют, лишаются чувств, падают на пол, бросаются прочь, закрывают глаза и уши, «но пронзительные крики, полные страха и отчаяния, все равно прорывались в их сознание». Иногда автор сбивается на современную лексику: «информация» [1, р. 329], «запросы», «офицеры» и так далее.

Таким образом, К. Хамфрис не избежал типичной ошибки авторов Нового и Новейшего времени, наделяющих людей прошлого особенностями сознания современного человека; при довольно хорошем знании источников автор слабо понимает цивилизационные и нравственно-религиозные особенности православия, региональные балканские реалии Средних веков (подробнее о мировоззрении человека Средневековья у Й. Хёйзинги [8], Гуревича [9]). Тем не менее, К. Хамфрис сделал искреннюю попытку написать исторический роман как таковой и создать реалистичный, непротиворечивый, не лишённый здравого смысла образ Влада Дракулы, отойти от тривиального образа безумного садиста, не содержащего ничего кроме алогичности и иррациональной жестокости. В то

же время К. Хамфрис дал массовому читателю возможность путешествовать во времени, создал несколько противоречивый и натуралистичный мир, в котором есть место риску, благородству, жестокости и эротике. Декларируя историчность и близость к источникам, писатель создаёт оригинальный образ Дракулы, отдавая себе в этом отчёт.

Произведение сочетает в себе признаки художественной литературы и массовой культуры, в этом смысле его можно отнести к мидкульту в понимании американского философа Д. Макдональда [10, p. 243].

Тему вампиризма К. Хамфрис не использует, лишь однажды в романе появляется упоминание о вампирах: «Георгий никак не мог появиться здесь, хотя, возможно, теперь он стал одним из бессмертных героев, восставших из мертвых и называемых в Валахии варколачь, а его черный плащ со знаком Дракона превратился в волчью шкуру» [1, p. 196].

Вместе с тем, К. Хамфрис допускает некоторые анахронизмы и неточности. Автор использует летоисчисление от Рождества Христова не только в авторской речи, но и в речи персонажей. Очевидно, что в Валахии XV века использовалось летоисчисление от Сотворения мира.

Трансильванию К. Хамфрис считает «ещё одной провинцией Валахии» [1, p. 242]. Крепостью Поенарь командует «спатар», а не «пыркэлаб» и так далее. Автор не знает, что православные монахи не бывают «бритоголовыми» [1, p. 17], что в православном храме нет исповедальных кабинок и нельзя поставить «три исповедальни в ряд».

Влад Дракула, как и его соперник Владислав (не очень понятно, почему его так называют, ведь Влад – это Владислав), у Хамфриса – опытные рыцари, много раз участвовали в турнирных поединках – но где и когда?

В православных странах были судебные поединки как вид ордалий, где каждая сторона выставляла бойца, но это мало похоже на рыцарские турниры в католических странах. Рисковать жизнью ради забавы считалось греховным безумием. Разумеется, не было поединка между Владиславом II и Дракулой, это чистый вымысел. Возможно, это влияние историка Р. Флореску, описавшего этот поединок, которого в реальности не было [11, p.106].

Современники называют Влада Цепешем и Казиклу-беем, Стефана называют Великим, между тем известно, что все эти прозвища появились значительно позже. Отца Влада и автор, и турки, и сам Влад называют Дьяволом, чего в реальности не было. В историческом романе это выглядит анахронизмом.

Роман К. Хамфриса [12] издавался в переводе на русский язык в 2010 году, но, к сожалению, по сей день не был издан на румынском языке.

Итак, образ Дракулы, создаваемый Крисом Хамфрисом, это прежде всего человек, которого формируют обстоятельства. Его Влад хочет быть добрым христианином, разумным правителем, хорошим отцом, защитником христиан, но, несмотря на его волю и разум, в предложенных обстоятельствах он вынужден переступить пределы человечности.

По типологии А.Б. Есина [13, p. 28] проблематика произведения в основном романная – (авантюрный и идейно-нравственный подтип).

Литература:

1. ХАМФРИС, Крис. *Дракула. Последняя исповедь*. М: Эксмо, 2010, 560 с. ISBN: 978-5-699-43804-4.
2. ЛУРЬЕ, Яков Соломонович. *Повесть о Дракуле*. Исследование и подготовка текстов. М-Л: Наука, 1964. 212 с.
3. *Сказание о Дракуле воеводе*. В: *Библиотека литературы Древней Руси*, Т7, СПб: Наука, 1999, сс. 460-472, 581 с. ISBN 5-02-028361-4.
4. ТАЛМАЗАН, Олег Назарович. *Авторский вымысел в Сказании о Дракуле воеводе*. В: *Философский поллог*. СПб: Международный центр изучения русской философии, 2018, №3, сс. 151-176, 195 с. ISSN 2587-7283. <https://doi.org/10.31119/phlog.2018.3.10>
5. TREPTOW, Kurt. *Vlad III: The Life and Times of the Historical Dracula*. Portland, Oregon: The Center of Romanian Studies, 2000, 296 p. ISBN: 978-973-98392-2-8.

6. TROW, Meirion James. *Vlad the Impaler: In Search of the Real Dracula*. Stroud, Gloucestershire: Sutton Publishing, 2003, 280 p. ISBN 9780750929653.
7. MILLER, Elizabeth. *Dracula: Sense & Nonsense*. L: Desert Island Books, 2000, 208 p. ISBN: 978-1-905328-15-4.
8. ХЕЙЗИНГА, Йохан. *Осень Средневековья*. СПб: изд. Ивана Лимбаха, 2011, 768 с. ISBN 978-5-89059-166-1.
9. ГУРЕВИЧ, Александр Яковлевич. *Категории средневековой культуры*. М: Искусство, 1984, 350 с.
10. МАКДОНАЛЬД, Дуайт. *Маскульт и мидкульт*. В: *Российский ежегодник '90*: Выпуск 2. М: Советская Россия, 1990, сс. 243-275. 287 с.
11. FLORESCU, Radu R. and McNALLY Raymond T. *Dracula, Prince of Many Faces: His Life and Times*. Boston: Little, Brown and Company, 1989, 261 p.
12. HUMPHREYS, Chris. *Vlad: The Last Confession*. London: Orion Books, 2009, 366 p. ISBN:978-1-4091-0330-1.
13. ЕСИН, Андрей Борисович. *Принципы и приёмы анализа литературного произведения*. М: Наука, 2000, 248 с. ISBN 5-02-011311-5.

Данные об авторе:

Олег ТАЛМАЗАН, аспирант, докторская школа филологии, Бельцкий государственный университет имени Алеку Руссо.

ORCID: 0009-0005-5761-1878

E-mail: luja@mail.ru

Представлено 01.03.2024